

А. МЭДДИСОН

Экономическое
развитие
в странах
Запада

A Twentieth Century Fund Study

Economic Growth in the West

Comparative Experience in Europe
and North America

ANGUS MADDISON

THE TWENTIETH CENTURY FUND, NEW YORK
George Allen and Unwin Ltd, London, 1964

А. МЭДДИСОН

Экономическое развитие в странах **З**апада

Перевод с английского

*Под редакцией и с предисловием
А. А. МАНУКЯНА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва 1967

Переводчики: *Лихачев Б. П., Палагуца А. И.,
Осадчая И. М., Козловский А. А.*

В книге известного английского ученого сопоставляется экономическое развитие США, Канады и десяти индустриальных стран Западной Европы в 50—60-х годах нашего века, исследуются основные направления их экономической политики и ее влияние на экономическое положение стран Запада.

Обширные статистические данные об объеме национального продукта, производительности, населении, рабочей силе, занятости, инвестициях в странах Запада представляют значительный интерес для читателя.

В русское издание включена опубликованная автором в 1966 г. статья, в которой он развивает и конкретизирует (на примере Англии) идеи своей книги.

Книга рассчитана на экономистов, преподавателей политической экономии и лиц, изучающих проблемы современного империализма.

Редакция литературы по экономике

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа видного английского ученого Ангуса Мэддисона посвящена послевоенному развитию экономики капиталистических стран. Непосредственным предметом внимания автора является экономический рост в индустриально развитых странах Запада (США, Канада и десять стран Западной Европы) за 1950—1960 гг. Автор задался целью показать итоги их послевоенного развития в надлежащей исторической перспективе, выяснить причины существенных различий в темпах развития между отдельными группами стран и, установив, какое значение имела экономическая политика государства, предложить способы ее совершенствования.

По богатству содержащегося научно-познавательного фактического материала работа Мэддисона заслуживает, безусловно, положительной оценки, поэтому перевод ее на русский язык представляется весьма своевременным. В качестве дополнения в издание включена опубликованная Мэддисоном в 1966 г. статья, где он отчасти развивает, отчасти конкретизирует (на примере Англии) идеи своей книги.

Отбор Мэддисоном группы стран обосновывается общностью происходивших в них процессов, сходством проблем, возникающих в развитии их экономики. Учитывая это обстоятельство, можно согласиться с тем, что автор исключил из рассмотрения такие европейские страны, как Испания, Португалия, Греция, Ирландия, которые имеют свои особые проблемы. Но это никак нельзя признать правильным в отношении Японии, которая по всем основным показателям входит в первую семерку крупнейших промышленно развитых капиталистических

государств и в которой большинство процессов, характерных для послевоенного развития Западной Европы и Северной Америки, протекает даже с еще большей интенсивностью и размахом. Исключив Японию, А. Мэддисон серьезно сузил поле своего наблюдения.

Одно из основных достоинств книги — это система таблиц, охватывающих все двенадцать интересующих автора стран и всесторонне характеризующих итоги их развития за изучаемое десятилетие, причем эти таблицы основываются на строго сопоставимых показателях. Подсчеты Мэддисона свободны от излюбленной некоторыми западными экономистами чрезмерной изощренности, когда цифры подвергаются такой сложной и многократной обработке, что всякая их непосредственная связь с действительностью, которую они призваны отобразить, исчезает. Ценность статистического материала повышается благодаря тому, что в специальных приложениях по каждой группе таблиц даны детальные источники и показаны методы подсчета.

Несомненная научная добросовестность автора не меняет, однако, того факта, что методологическая основа его статистических разработок — буржуазная. В результате не только завышены, например, абсолютные размеры конечного общественного продукта (валового национального продукта в статистике капиталистических стран), но из-за тенденции роста удельного веса непроизводственной сферы, в частности административного государственного аппарата и армии, в какой-то мере искажается и его динамика.

В книге Мэддисона, кроме разнообразных статистических разработок, много обобщений и выводов, заслуживающих внимания. Отметим хотя бы его замечание, что более новое, чем в США (по возрасту), оборудование в Европе отнюдь не обязательно более современное и что США, несомненно, ближе к наиболее полному использованию достигнутого уровня техники. Интересно его наблюдение, что достижения техники быстро делаются достоянием всех индустриальных стран.

Он обращает внимание на крайне характерный для Англии факт существования резких различий между производительностью труда на отсталых и передовых в техническом отношении предприятиях. Так, например, по его данным, в черной металлургии Англии разрыв

в уровне производительности труда выражается отношением 1 : 4, тогда как в США — в среднем 1 : 2.

С редкой для буржуазного экономиста остротой взгляда Мэддисон отмечает огромные масштабы и широкое распространение в довоенные годы скрытой безработицы. Он отмечает также и серьезнейшие сдвиги в этой области в послевоенный период. К сожалению, эта проблема интересует его только с точки зрения динамики производительности труда. Огромное же значение, которое эти сдвиги имели, например, для механизации сельского хозяйства, он оставляет без внимания.

Центральная тема книги — вопросы роста экономики капиталистических стран, — несомненно, заслуживает пристального внимания. Работа Мэддисона представляет собой, пожалуй, лучшее, что дала буржуазная наука в этой области. В первых трех главах, наиболее насыщенных статистическим материалом, автор подробно характеризует процессы экономического развития группы капиталистических стран и факторы, обусловившие это развитие.

Придавая капиталовложениям важнейшее значение в качестве фактора экономического роста, Мэддисон уделяет серьезное внимание анализу проблем капиталоемкости, различиям между странами в коэффициентах капитал — продукт и капиталовложения — продукт. Анализируя виды капиталовложений (возмещение, экстенсивное и интенсивное увеличение капитала), Мэддисон отмечает, в частности, что экстенсивное увеличение капитала обеспечивает меньший выигрыш в отношении производительности труда, чем вложения для возмещения (стр. 130).

Мэддисон отвергает, и в этом он совершенно прав, попытки объяснить различия в темпах экономического роста в изучаемых им странах различиями национального характера, личными свойствами руководящего состава хозяйственных объединений и т. д. И хотя нельзя считать, что вопрос о национальных различиях в темпах роста им исчерпан, Мэддисон дает, пожалуй, больше материалов для его решения, чем кто-либо другой.

В ряде случаев, говоря о некоторых факторах послевоенного ускорения экономического развития, Мэддисон характеризует их как однократные (once-for-all). И это, несомненно, достоинство его работы. Но, признавая однократность влияния некоторых факторов на темпы экономического развития, он игнорирует протекающую

отсюда возможность ухудшения общих условий дальнейшего развития послевоенного воспроизводства. Все дело в том, что Мэддисон не видит в надлежащем свете источников послевоенного ускорения темпов роста экономики капиталистических стран, не понимает, что это ускорение носит временный характер, не замечает исторической ограниченности и оборотной стороны явления роста в условиях капитализма, противоречивости процесса развития. Слишком часто Мэддисон противопоставляет послевоенный рост экономики межвоенному застою. Как и многие другие буржуазные авторы, Мэддисон охотно говорит о межвоенном периоде как о периоде застоя, поскольку это позволяет ему рельефнее представить явления роста в послевоенные годы.

Работа Мэддисона толкает читателя к выводу, будто послевоенный капитализм нашел ключ к непрерывному поступательному росту. Правда, Мэддисон не пытается доказывать, что этот ключ найден в Англии или США, но он, очевидно, не сомневается в том, что это удалось сделать ФРГ, Франции, Италии. Отсюда высказываемое им без всяких оговорок и являющееся стержнем всей работы утверждение, что «спады производства имели место только в медленно развивающихся странах» (стр. 76). Отсюда упрощенное противопоставление Мэддисоном группы стран, для которых характерен сейчас и которым будто бы обеспечен на все будущие времена быстрый и беспрепятственный рост, государствам с медленно развивающейся экономикой.

Но это иллюзия буржуазных экономистов, иллюзия, которая оказалась сильно подорванной недавними потрясениями в экономике Италии и Японии и вполне определенной перспективой резкого замедления темпов роста в ФРГ.

Противопоставление Мэддисоном двух групп стран подрывается с двух сторон; понижением темпов развития в быстрорастущих странах и повышением в тех, которые ранее развивались медленно.

Конечно, автор работы, которая была написана в 1962—1963 гг., не мог учесть процессы, которые произошли после опубликования книги. Но если книга Мэддисона оказалась в противоречии с действительным развитием событий, то, очевидно, это объясняется какими-то пороками его исходных концепций. Дело в том, что он

вообще исключает возможность срывов в быстроразвивающихся странах.

Тем, что он взял для всех стран один и тот же период — 1950—1960 гг., он выполнил, казалось бы, элементарное научное требование. Но это чисто механическое требование, и его выполнение способно только направить по ложному следу — поисков особых законов развития для ФРГ, Италии, Франции и Японии. Ибо многие из тех процессов, которые имели место в указанных странах в это десятилетие и которые обуславливали характерные для них высокие темпы роста, были для США, а отчасти также для Канады и Англии пройденным этапом.

Экономический рост, по Мэддисону, протекает без противоречий, без остановок и срывов, он исключает цикличность. А если явления цикла все-таки имели место, то, по Мэддисону, их причины следует искать в действиях правительств, а не в объективных законах капиталистической экономики; Мэддисон так прямо и говорит, что «основной ритм активности определялся правительством. Колебания 1952 и 1958 гг. и бум 1955—1956 гг. не были обусловлены экономическим циклом спонтанного или самозарождающегося характера: они были вызваны определенной политикой... Экономический цикл в классическом понимании этого слова в европейских странах фактически уже не существует» (стр. 189).

Попытка Мэддисона поставить циклы вне закона для быстрорастущих стран, пожалуй, одна из самых слабых сторон его работы. Ибо циклы и даже мировые циклы все-таки существуют. Характеризуя развивающиеся страны, Мэддисон отмечает, что эти страны «скорее испытывают на себе последствия мировых экономических циклов, чем являются их источником» (стр. 231). Но откуда же было взяться мировым экономическим циклам, если в Европе, в таком важном сегменте мирового капиталистического хозяйства, «экономический цикл в классическом понимании» исчез. И если на минуту допустить, что подъемы и кризисы в отдельных странах являются результатом соответствующих мероприятий правительства данной страны, то чем можно объяснить, что все капиталистические страны почему-то одновременно проводят одинаковые меры, создающие подъем, а затем — меры, создающие кризис.

Правда, можно было бы объявить мировые циклы распространившимися на весь мир результатом действий пра-

вительства одной большой страны, например США. Но Мэддисон сам отвергает такое легковесное объяснение. Остается допустить, что правительства индустриальных стран принимали одинаковые меры, оказавшись перед сходными проблемами! Но достаточно поставить вопрос о причинной обусловленности действий правительств, как стихийные процессы, изгнанные через дверь, возвращаются через окно.

Неоднократно упоминая антициклические мероприятия правительств, упрекая, например, правительство ФРГ за его нежелание использовать воздействие на жилищное строительство в антициклических целях, Мэддисон опять противоречит себе, ибо антициклические правительственные мероприятия ведь предполагают первичные, циклические явления.

Можно подумать, что, говоря о цикличности, мы во что бы то ни стало хотим навязать действительности какие-то колебания, которые, по-видимому, настолько незначительны, что невооруженный человеческий глаз их вообще не замечает и их с большими усилиями приходится открывать, все время убеждая себя и других в том, что они существуют. Но ведь вопрос о цикле — это вопрос о *ходе* развития, о *процессе* развития с его приливами и отливами, вопрос о внутренних противоречиях этого развития.

Ошибка Мэддисона в том, что он интересуется готовыми (количественными) результатами движения, его итогами, отвлекаясь от вопроса о том, как эти итоги получились. Не случайно поэтому, что вопрос о структурных изменениях экономики капиталистических стран, которые трудно было бы рассматривать вне конкретного процесса развития, остался у него в тени.

Недооценка структурных изменений в промышленности капиталистических стран лишает Мэддисона возможности разобраться, пользуясь его выражением, в анатомии их послевоенного развития, нащупать их перспективы в будущем. Период войны, как известно, был периодом ускоренного роста производства в металлообрабатывающих отраслях. И это не случайно. Военное производство — это прежде всего металлообработка. К концу войны в Англии, например, и контингент рабочих, и мощности металлообрабатывающего оборудования заметно увеличились по сравнению с довоенным периодом. Иначе обсто-

ят дела с сырьевыми отраслями, мощности которых возросли за время войны в гораздо меньшей степени или остались без изменений. С ликвидацией вызванных войной нарушений процесса воспроизводства в капиталистических странах наметилось явное несоответствие между потребностями промышленного развития и сырьевой базой. Корейские события крайне обострили это несоответствие, но «угольный голод», «нефтяной голод», «голод на сталь» имели более глубокие и более давние корни. Неизбежно должна была наступить полоса ликвидации отставания сырьевой базы. Наряду с более быстрыми темпами роста производства искусственного сырья начался период ускоренного, даже опережающего, развития сырьевых отраслей вообще. В конце концов отставание такой сырьевой отрасли, как металлургия, было ликвидировано.

Сроки ликвидации отставания сырьевых отраслей сократились под влиянием имеющей огромное значение тенденции к снижению материалоемкости общественного производства, тенденции, о которой Мэддисон в своей книге не обмолвился ни единым словом.

Таким образом, оказывается возможным рост промышленного производства при отставании сырьевых отраслей. Но при отставании сырьевых отраслей темпы роста общего объема промышленного производства будут неизбежно ниже, чем тогда, когда наблюдается одновременный рост и сырьевых и обрабатывающих отраслей. Это один из источников замедления темпов роста в быстро развивающихся странах, оставленный Мэддисоном совершенно без внимания. А это настолько важное обстоятельство, что с ним уже приходится считаться вдумчивым наблюдателям, анализирующим перспективы экономического развития.

В западногерманских оценках перспектив экономики ФРГ мы читаем следующее: «Рост экономики ФРГ во второй половине 60-х годов будет слабее, чем в первой. Среднегодовые темпы роста снизятся примерно на одну треть. В классических европейских странах с развитой черной металлургией выплавка стали уже больше не может развиваться темпами, равными в среднем остальной промышленности»¹.

¹ WWI Mitteilungen, April/Mai, 1966, S. 99.

Воздавая должное Мэддисону за его работу, мы вместе с тем можем отметить, что задолго до появления его книги вопрос о послевоенном ускорении темпов экономического развития в капиталистических странах привлекал внимание советских экономистов, которые, однако, в отличие от Мэддисона всегда видели временный характер этого ускорения.

Хотя работа Мэддисона — это, вероятно, лучшее, что мог дать добросовестный буржуазный экономист, но при всем том Мэддисон остается буржуазным экономистом. И это особенно ясно видно из его трактовки вопросов безработицы, проблем, связанных с борьбой рабочего класса. Политика правительства ФРГ привела, по его мнению, в начале 1950-х годов «к более сильному росту безработицы, чем это было необходимо» (стр. 199).

Говоря о том, что ФРГ лучше всего справилась с инфляцией, Мэддисон объясняет это проведенной в ФРГ денежной реформой, слабостью профсоюзов и, наконец, тем, что производительность труда росла быстро. Мэддисон с похвалой говорит обо всем, что помогало западно-германской буржуазии противодействовать повышению заработной платы рабочих. Он приветствует то, что в 1952 г. голландское профсоюзное объединение добровольно пошло на всеобщее понижение заработной платы на 5 %, чтобы «помочь стране».

Наиболее законченный характер имеет классовая позиция Мэддисона в его апологии политики доходов. Он не против того, чтобы использовались все те объективные условия, которые ослабляют позиции рабочих и срывают борьбу за повышение уровня их заработной платы. Но если объективные условия усиливают позиции рабочих, дают им возможность добиться резкого повышения заработной платы, то он советует мобилизовать все силы, чтобы не допустить этого.

Мэддисон настойчиво выискивает всякие средства, обеспечивающие успех антирабочих мероприятий. Важнейшим упущением в политике 1950-х годов Мэддисон считает как раз «недостаточное использование политики доходов» (стр. 273). Он рекомендует создание совместных советов, включающих рабочих и предпринимателей, советует добиваться более согласованных действий правительств в этом направлении, добиваться «гармонии социальных интересов», склонять симпатии обще-

ственного мнения к проводимой правительством политике с тем, чтобы лишить рабочих того, что по объективным условиям они могли бы завоевать.

Значительная часть книги — вся четвертая глава — посвящена характеристике роли государства в экономическом развитии. В ней наряду со спорными положениями о чуть ли не безграничных возможностях государственного воздействия на экономику содержится хорошо систематизированный материал о государственных мероприятиях. Принципиальная точка зрения Мэддисона, казалось, должна была толкать его на утверждение, будто буржуазное государство всегда своевременно, целесообразно и успешно реагировало на все экономические процессы. К чести Мэддисона следует отметить, что у него этого нет.

Он указывает, например, что в США далеко не всегда предпринимались меры, которые были необходимы в антициклических целях, в интересах содействия экономическому росту. Он отмечает также, что государственный спрос в США развивался зачастую в направлении, «обратном тому, которое в интересах обеспечения было «нерационально с точки зрения экономического роста или стабильности» (стр. 148). И действительно, в 1952 г. возросший государственный спрос мешал осуществлению капиталовложений, а в 1954 г. его падение усугубило кризисные явления в экономике.

Неоднократно Мэддисон указывает на неудовлетворительные результаты проводимых государством мероприятий. Правда, почти во всех случаях отрицательные примеры Мэддисон приводит из истории деятельности английского правительства, в чем нельзя не видеть существенного недостатка его монографии.

Мэддисон довольно четко показывает, что смысл системы стабилизационных государственных мероприятий во Франции сводился к повышению накопления и улучшению валютно-финансового состояния страны за счет существенного снижения реальной заработной платы. Это его свидетельство, вскрывающее классовую природу государственно-монополистического капитализма, заслуживает внимания.

Энгельс подчеркивал в своем письме Конраду Шмидту, что государство своей политикой может содействовать развитию экономики или задерживать его. Государство

в условиях государственно-монополистического капитализма обладает, конечно, несравненно более мощными средствами воздействия на экономику, чем это было во времена Энгельса. И все-таки существуют определенные границы воздействия буржуазного государства на экономику.

У Мэддисона возможности государства фактически совершенно не зависят от исторической обстановки, или от такого, скажем, обстоятельства, как ухудшение общих условий дальнейшего развития цикла. Мэддисон в ряде своих высказываний очень трезво определяет место правильной политики как средства наиболее полной реализации объективно имеющихся возможностей. Но так как Мэддисон мало занимается этими объективными возможностями, игнорирует непрерывное изменение возможностей и границ экономического роста, то он неизбежно сбивается на всесилие политики. Когда Италия обзаводилась тем комплексом отраслей, который характерен для современного индустриального государства, и создавала современную черную металлургию и современное нефтегазовое хозяйство, роль государственных хозяйственных объединений ИРИ и ЭНИ в этом была очень велика. Но из этого не следует, что и при нынешней международной и внутренней обстановке они могут вновь повторить то же, что было ими сделано в прошлом, и оказать такое же содействие ускорению общих темпов экономического развития Италии, какое они оказывали тогда.

Весьма содержательная пятая глава книги «Международная обстановка» по своему месту вызывает некоторое недоумение. После того как высказаны основные положения и сделаны основные выводы, она выглядит каким-то привеском. Та глубокая мысль, которая заложена в словах Маркса о «международных условиях производства», мысль о возможности их изменения, а значит, и ухудшения, по-видимому, чужда Мэддисону. Вообще «мирохозяйственный подход» у него фактически отсутствует. Только этим можно объяснить то относительно небольшое внимание, которое он уделяет явлениям кризиса, охватившего фактически все капиталистические страны в 1952—1954 гг., и ту уже совершенно непростительную легкость, с которой он говорит о величайших бурях мирового рынка, которыми характеризовался кризис 1957—1958 гг.

Мэддисон имеет полное право ограничить свой анализ группой западных стран, но исключить их из той мирохозяйственной среды, в которой они существовали все эти годы, он не вправе.

При исчерпывающем, казалось бы, и притом сугубо конкретном количественном анализе факторов, способствовавших экономическому росту стран Запада, Мэддисон странным образом не только не дает количественного измерения той роли, которую сыграло изменение соотношения экспортно-импортных цен в торговле индустриальных стран с аграрно-сырьевыми, но лишь один раз, и то мимоходом, упоминает вообще это обстоятельство. Между тем не только в марксистской, но и в буржуазной литературе можно найти прямые и очень весомые высказывания на этот счет.

«Если бы во время спада 1957—1958 гг., — пишет японский профессор Миохеи Синохара, — не произошло резкого снижения (импортных. — А. М.) цен, мы не имели бы ускоренного экономического роста в Японии в последующие годы... Поскольку фактически снижение импортных цен было чрезвычайно резким, создалась возможность мощного инвестиционного бума в 1959 и 1960 гг.»¹. Едва ли можно сомневаться в том, что все, что пишет Синохара о Японии, в полной мере относится, скажем, и к ФРГ.

Мэддисон рассыпается в похвалах индустриальным капиталистическим странам за то, что они не проводили в экономических отношениях друг с другом политики репрессалий, политики «разорь соседа» (*beggar your neighbour policy*), не замечая, что вместе с тем они энергично использовали обстановку, сложившуюся на мировом рынке, для своего обогащения, удерживая аграрно-сырьевые страны в состоянии нищеты, углубляя эту нищету.

О каких величинах идет при этом речь, можно судить из следующего заявления обозревателя газеты «Файнэншл таймс» Ломбарда: «Только с 1957 г. — а аграрно-сырьевые страны в целом несли потери уже в течение нескольких лет до этого — индустриальные страны сберегают около 7 млрд. долл. в результате снижения их импортных цен.

¹ Miyohey Shinohara, *Growth and Cycles in the Japanese Economy*, Tokyo, 1962, p. 122.

Повышение их экспортных цен прибавляет еще от 3 до 4 млрд. долл. к их экспортной выручке. Таким образом, они получают в год бонус в 10—11 млрд. долл. за счет остального мира, бонус, для получения которого они ничего не сделали»¹.

Мэддисону следовало бы отметить этот колоссальный источник накопления, что, наверно, помогло бы также понять причины столь милой его сердцу взаимной снисходительности индустриальных капиталистических стран.

Если Мэддисон оказывается не на высоте, когда необходимо сказать об эксплуатации империалистическими странами «мировой деревни», то он не находит настоящих слов и тогда, когда нужно вскрыть некоторые специфические корни особо быстрых темпов развития таких стран, как ФРГ. У него можно найти очень интересные, очень тонкие замечания о соотношении внешнего и внутреннего рынков в послевоенном развитии ФРГ. Но жесткие рамки его чисто статистического анализа по «готовым» итогам мешают ему видеть то преимущество, которое она получила в виде отвлечения промышленности Англии и США в 1951—1953 гг. на гонку вооружений, а классовая узость его подхода мешает ему четко сказать, что высокая конкурентоспособность ФРГ была функцией высокой нормы эксплуатации западногерманского рабочего класса.

Еще до середины 50-х годов по производительности труда в промышленности в целом ФРГ догнала такие европейские страны, как Англия и Франция. Между тем в десятилетии 1950—1960 гг. заработная плата в ФРГ была заметно ниже, чем в подавляющем большинстве индустриальных стран Европы, исключая только Италию и Голландию. Очень значительная вначале, эта разница сошла на нет лишь к концу 50-х годов. Однако в среднем за десятилетие разница между уровнем заработной платы ФРГ и Англии составляла, вероятно, не менее 20%. Неизбежное в таком случае отставание народного потребления находит свое выражение, в частности, в том, что из всего прироста валового национального продукта за 1950—1960 гг. в ФРГ, как это вытекает из данных, приведенных Мэддисоном в таблице II-8, на личное потребление пошло только 52,5% против 59,2% в Англии. (В Голландии

¹ The Financial Times, July 19, 1965, p. 7.